

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

М. П. Паганелли¹

Университет Троицы (Сан-Антонио, США)

УДК: 330.81, 330.82

doi: 10.55959/MSU0130-0105-6-59-6-5

АДАМ СМИТ И НРАВСТВЕННОЕ СОДЕРЖАНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ: ИНТЕРПРЕТАЦИЯ С ПОЗИЦИЙ ТЕОРИИ ОБЩЕСТВЕННОГО ВЫБОРА²

В «Богатстве народов» Адама Смита прескриптивный и дескриптивный анализ переплетены. В то время как анализ стимулов строго описательный, мотивация анализа предписывающая, как и мотивы его предписаний.

Для Смита богатство имеет тенденцию содействовать справедливости; оно также имеет тенденцию быть следствием справедливости. Бедность имеет тенденцию создавать несправедливость и быть следствием несправедливости. Таким образом, понимание того, как увеличить богатство нации, означает понимание того, как содействовать справедливости.

Порочные стимулы групп специальных интересов являются разрушительными как для богатства, так и для справедливости. Смит назвал «Богатство народов» яростной атакой на британскую коммерческую систему, потому как в предлагаемой здесь интерпретации весь аппарат Британской империи был результатом этих порочных стимулов групп специальных интересов, которые не только порождали неэффективные монополии, но также порождали грубую несправедливость для самых слабых членов общества.

Для Адама Смита богатство имеет тенденцию содействовать справедливости; оно также имеет тенденцию быть следствием справедливости. Бедность имеет тенденцию создавать несправедливость и быть следствием несправедливости. В первом разделе статьи анализируется традиционная трактовка «Богатства народов» как в том числе трактата о неэффективности монополий в частности, и меркантилистской системы в целом. При этом показывается, что Смит анализировал проявления лоббизма и кумовства, во многом с позиций, которые на сегодняшний день приняты в теории общественного выбора. Во втором разделе подчеркивается, что идея справедливости предшествует рассмотрению экономических явлений с позиций эф-

¹ Паганелли Мария Пиа — профессор экономики университета Троицы (Сан-Антонио, Техас); e-mail: mpaganel@trinity.edu.

² Настоящая статья была впервые опубликована в монографии: Sagar P. (Ed.). Interpreting Adam Smith: Critical Essays. Cambridge University Press. Перевод данной работы публикуется с любезного разрешения Cambridge University Press.

© Паганелли Мария Пиа, 2024

фektivности. Так, осуждение Смита различных последствий доминирования групп с особыми интересами в тех или иных сферах общественной и экономической жизни, зачастую проявляющихся в увеличении человеческих страданий и бедности, основано на нормативной моральной установке недопустимости нарушения свободы и принципов дистрибутивной справедливости. Третий раздел посвящен обобщению критики Смита систем, которые и неэффективны, и несправедливы. Порочные стимулы групп специальных интересов являются разрушительными как для богатства, так и для справедливости. Смит назвал «Богатство народов» яростной атакой на британскую коммерческую систему, потому как в предлагаемой здесь интерпретации весь аппарат Британской империи был результатом этих порочных стимулов групп специальных интересов, которые порождали не только неэффективные монополии, но также грубую несправедливость для самых слабых членов общества. Ключевой тезис, который обосновывается в статье: понимание того, как увеличить богатство нации означает также и понимание того, как содействовать справедливости.

Ключевые слова: Адам Смит, лоббизм, кумовство, nepотизм, меркантилизм, эффективность и справедливость, теория общественного выбора.

Цитировать статью: Паганелли, М. П. (2024). Адам Смит и нравственное содержание политической экономики: интерпретация с позиций теории общественного выбора. *Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика*, 59(6), 221–239. <https://doi.org/10.55959/MSU0130-0105-6-59-6-12>.

M. P. Panagelli

Trinity University (San Antonio, USA)

JEL: B12, H1, P00

ADAM SMITH AND THE MORALITY OF POLITICAL ECONOMY: A PUBLIC CHOICE READING

In Adam Smith's "Wealth of Nations", prescriptive and descriptive analysis are intertwined. While incentives analysis is strictly descriptive, the motivation of the analysis is prescriptive as are the motivations for its prescriptions.

For Smith, wealth tends to promote justice; it also tends to be a consequence of justice. Poverty tends to create injustices instead, and to be a consequence of injustice. Understanding how to increase the wealth of a nation is thus understanding how to increase its justice.

The perverse incentives of special interests are destructive forces of both wealth and justice. Smith called "Wealth of Nations" a violent attack against the British commercial system because, in the interpretation offered here, the entire apparatus of the British Empire was the results of those perverse incentives of special interests groups that not only generated inefficient monopolies, but also, and especially, generated gross injustices for the weakest members of society.

For Adam Smith, wealth tends to promote justice; it also tends to be a consequence of justice. Poverty tends to create injustice and be a consequence of injustice. The first section of the article analyzes the traditional interpretation of "The Wealth of Nations" as, among

other things, a treatise on the inefficiency of monopolies in particular, and the mercantilist system in general. It is shown that Smith analyzed manifestations of lobbying and nepotism, largely from the standpoint that is currently accepted in public choice theory. The second section emphasizes that the idea of justice precedes the consideration of economic phenomena from the standpoint of efficiency. Thus, Smith's condemnation of the various consequences of the dominance of special interest groups in certain spheres of social and economic life, often manifested in an increase in human suffering and poverty, is based on the normative moral attitude of the inadmissibility of violating freedom and the principles of distributive justice. The third section is devoted to a generalization of Smith's criticism of systems that are both inefficient and unfair. The perverse incentives of special interests are destructive of both wealth and justice. Smith called "The Wealth of Nations" a vicious attack on the British commercial system because, in the interpretation offered here, the entire apparatus of the British Empire was the result of these perverse incentives of special interests, which not only produced inefficient monopolies but also produced gross injustices for the weakest members of society. The key thesis the article makes is that understanding how to increase a nation's wealth also means understanding how to promote justice.

Keywords: Adam Smith, Lobbying, Cronyism, Mercantilism, efficiency and justice, Public Choice.

To cite this document: Panagelli, M. P. (2024). Adam Smith and the morality of political economy: a public choice reading. *Lomonosov Economics Journal*, 59(6), 221–239. <https://doi.org/10.55959/MSU0130-0105-6-59-6-5>

«Богатство народов» Адама Смита — одна из тех книг, в которых разные люди видят иногда совершенно разные идеи, поскольку очень по-разному воспринимают их содержание. Мне бы хотелось здесь написать о понимании, которое сам А. Смит сформулировал следующим образом:

«[рассказ о смерти Юма вызвал] в десять раз больше оскорблений, чем та яростная атака, которую я предпринял против всей коммерческой системы Великобритании)» (Курсив мой. — Авт.) (Smith, 1987, I, p. 251).

Прочтение «Богатства народов» в моей интерпретации как атаки против лоббирования групп особых интересов и тесных личных связей между их членами (клановости), показывает, что для Смита вопросы справедливости и эффективности были существенно связаны. В этом прочтении я отчасти следую пониманию Джорджа Стиглера, называвшего это произведение книгой, основанной на граните собственного интереса (Stigler, 1975). Однако я продолжаю утверждать (2008), что А. Смит в своей книге скорее осуждает этот собственный интерес — в тех случаях, когда его невозможно обуздать и он делается способным захватить государственную власть. Я также согласна с Чандрой (Chandra, 2021) и с той интерпретацией, которую он предлагает Эллину Янгу (Mehrling, Sandilands, 1999), — что главной заботой Смита была не *laissez-faire*, а конкуренция,

поскольку противодействие группам особых интересов может осуществляться не только посредством *laissez-faire*, но и благодаря гарантированной государством конкуренции.

Я бы также отметила отличие своего прочтения Смита от понимания Стиглера в той части, в которой он обвиняет Смита в том, что тот не видит проблемы общественного выбора, так как не считает, что политики преследуют собственные интересы. Политики времен Смита — это в основном богатые землевладельцы, чье место в государственной деятельности было относительно стабильным и которые, соответственно, испытывали меньшее электоральное давление, чем их демократические коллеги. При этом, по мнению Смита, в отсутствие стимула к изучению дела лоббисты и искатели ренты могли легко их обманывать и манипулировать ими: эти политики хотели хорошо выглядеть в глазах окружающих, делая вид, будто они что-то понимают в делах. Более того, я считаю, что Смит видел и использовал элементы анализа, аналогичного тому, что применяется сегодня для изучения общественного выбора, в его описаниях лоббирования и стремления получать ренту (Farrant, Paganelli, 2016; Paganelli, 2020). В этом я также отличаюсь от Пола Сагара (Sagar, 2021), который также рассматривает «Богатство народов» как атаку на меркантилизм, но не уделяет особенного внимания аспектам общественного выбора.

Вместо того, чтобы утверждать, что «первосвященник корысти, подобно всем первосвященникам, имел большой спрос на грешников» (Stigler, 1975, p. 277), я бы сказала, что у Смита был «большой спрос» на справедливость. Вместе с Дейдрой Макклоски (McCloskey, 1998), Джерри Эвенски (Evensky, 2005) и Стивеном Медема (Medema, 2010), я вижу, что, наряду с интерпретацией Стиглера и Чикагской школы, существует также «Смит старой доброй чикагской школы» или «Смит Киркалди», которые видят в нем сложного мыслителя, а отнюдь не примитивного «первосвященника корысти». Таким образом, я согласна с Генри Биттерманом (Bittermann, 1940) и Джеймсом Бьюкененом (Buchanan, 1978), которые понимают «Богатство народов» как книгу-руководство — книгу, которая использует описательный анализ, чтобы сформулировать политико-экономические предписания.

Мой акцент на нравственном осуждении погони за рентой и меркантилистского захвата государственного управления также не обязательно означает, что для Смита справедливость есть справедливость в распределении (ср.: Fleischacker, 2004); скорее, так же как это видят Иштван Хонт и Михаэль Игнатьев (Hont, Ignatieff, 1983), Смит полагал более вероятным, что решение проблемы несправедливости, которую может вызвать бедность, лежит на пути к экономическому росту.

Мое прочтение «Богатства народов» предполагает, что для Смита не существует необходимости выбора между эффективностью и справедли-

востью. Они идут рука об руку. Насилие и неэффективность меркантилистской политики, направленной на получение ренты, причиняют вред и, следовательно, несправедливы. Эффективной же, по мнению Смита, оказывается справедливая политика, т.е. такая политика, которая не дает привилегий одним за счет других.

Таким образом, я показываю четкость, с которой Смит определяет проблему концентрированных выгод и рассредоточенных издержек при определении государственной политики в духе общественного выбора. Но я также предполагаю, что осуждение Смитом меркантилистской политики основано на моральных соображениях. Погоня за рентой и захват государственного управления группами с особыми интересами не только неэффективны, но и используют (настоящую) «кровь и имущество» сограждан для обогащения нескольких торговцев и производителей под ложным предлогом обогащения страны. Таким образом, в моем прочтении «Богатство народов» представляет собой моральное осуждение меркантилистской политики, подразумевающее понимание Смитом того, что «справедливость также может быть эффективной» (Buchanan, 1978, p. 70–77).

Чей интерес?

Утверждение, что «Богатство народов» — это моральное осуждение лоббизма и клановости, требует от нас понимания динамики групп особых интересов в анализе Смита, а затем их морального осуждения. Итак, при анализе лоббирования в первую очередь необходимо исследовать признаки групп особых интересов, а именно желание получить ренту и стремление к концентрированным выгодам и рассредоточенным издержкам (Tullock, 1967; Olson, 1971; Krueger, 1974). Смит прямо говорит о концентрированных выгодах и рассредоточенных издержках, когда анализирует политику, которая приносит пользу немногим за счет многих.

Считается, что, как в ранних, так и в самых развитых коммерческих обществах, торговцы и промышленники имеют концентрированные интересы и стремятся к получению ренты: они относительно немногочисленны и практически все находятся в городах. Смит говорит нам, что «[ж]ители города, будучи собраны в одном месте, могут легко сговориться» (Смит, 2007, с. 171). Близкое местоположение позволяет им создавать корпорации (гильдии) или даже просто добровольные ассоциации, что неявно призвано уменьшить конкуренцию.

В свою очередь «[с]ельские жители, рассеянные на больших пространствах друг от друга, нелегко могут сговариваться между собою. И они не только не объединились в цехи, но среди них даже никогда не преобладал цеховой дух» (Смит, 2007, с. 172). Сельские жители, как повторяет

Смит позже, вновь обращаясь к этой теме, т.е. деревенские джентльмены и фермеры, составляли в его время большинство населения (Смит, 2007, с. 448—449).

То, что торговцы и производители могут легко образовать картель, учитывая их концентрацию, неблагоприятно самое меньшее по трем дополнительным причинам, считает Смит. Во-первых, потому что их интересы часто противоположны интересам общества. Во-вторых, потому что они хотят и могут представить свои цели как интересы общества. В-третьих, потому что они хотят и могут влиять на законодательство в своих интересах за счет общества.

Смит действительно утверждает, что *«интересы представителей той или иной отрасли торговли или промышленности всегда в некоторых отношениях расходятся с интересами общества и даже противоположны им»* (Курсив мой. — Авт.) (Смит, 2007, с. 282). Торговцы и промышленники хотят расширить свои рынки, что не противоречит интересам общества, но они хотят сделать это, одновременно ограничивая конкуренцию на них.

Ограничение конкуренции подразумевает монопольную власть и, следовательно, более высокую прибыль для них за счет более высоких цен и меньшего количества товаров для потребителей. Это стремление к высоким ценам является причиной того, что, по Смицу, интерес торговцев и производителей всегда противоположен интересу общества. Оно же объясняет, почему их интерес всегда прикрывается лицемерием. Сами торговцы и производители делают свой бизнес, покупая там, где дешево, независимо от того, кто производит товар. Но они хотят, чтобы все остальные люди не могли поступать так же. Люди, как и торговцы, тоже хотят покупать у самого дешевого продавца. Но торговцы хотят, чтобы они покупали у них по максимально возможной цене. Им нужно монопольное ценообразование. Вот почему дух монополии всегда прямо противоположен интересам огромного количества людей (Смит, 2007, с. 476—477).

Если бы проблема сводилась к тому, что интересы какой-то группы идут вразрез с интересами общества, проблема не обязательно была бы такой серьезной. Но для Смита все на самом деле очень серьезно, потому что торговцы и промышленники способны убедить большинство людей и государственных деятелей, что их интересы совпадают с интересами общества, и, как следствие, они способны влиять на законодательство в свою пользу. Смит действительно утверждает, что *«вопли и софистические доводы купцов и фабрикантов легко убеждают их в том, что частный интерес одной части, и притом незначительной части, общества тождествен с общим интересом целого»* (Смит, 2007, с. 173).

Так, для Смита вера в ложное утверждение о том, что торговцам нужна защита, чтобы торговать ради общественного блага, опасна, если не является настоящей глупостью:

«Мне ни разу не приходилось слышать, чтобы много хорошего было сделано теми, которые делали вид, что они ведут торговлю ради блага общества... Государственный деятель, который попытался бы давать частным лицам указания, как они должны употреблять свои капиталы, обременил бы себя совершенно излишней заботой, а также присвоил себе власть, которую нельзя доверить не только какому-либо лицу, но и какому бы то ни было совету или учреждению и которая ни в чьих руках не оказалась столь *опасной, как в руках человека, настолько безумного и самонадеянного, чтобы вообразить себя способным использовать эту власть*» (Курсив мой. — Авт.) (Смит, 2007, с. 443).

Но как тогда можно убедить народ и государственных деятелей в том, что интересы небольшой группы есть интересы общества, в то время как на самом деле это не так? Смит считает, что большинство людей интуитивно чувствует, что торговля делает страну лучше, но они не понимают, как на самом деле происходит это улучшение. Торговцы играют на этом невежестве. «[К]упцы [и] обращаются к парламентам и королевским советам, к аристократии и поместному дворянству; они исходили от тех, которые считались знатоками торговли, и были обращены к тем, которые сознавали, что решительно ничего не понимают в этом деле. Опыт показал как аристократии и землевладельцам, так и купечеству, что иностранная торговля обогатила страну, но никто из них не отдавал себе отчета, как или каким образом произошло это. Купцы отлично знали, как она обогащала их самих; их делом было знать это, но вопрос о том, каким образом она обогащала страну, совершенно их не занимал» (Смит, 2007, с. 424). И все же они утверждали, что знают.

Итак, мы видим, что торговцы умеют обогащаться, и верим их ложному утверждению, что они могут также увеличить богатство общества. Мы можем поверить этому высказыванию уже потому, что, как Смит пишет в «Теории нравственных чувств», мы склонны верить богатым и могущественным только потому, что они богаты и влиятельны (Tegos, 2014; Sagar, 2018, chap. 5). Мы относимся к богатым с почтением, мы восхищаемся ими, мы хотим бывать в их присутствии, мы страдаем вместе с ними, мы радуемся их удаче, мы хотим нравиться им, мы хотим, чтобы они смотрели на нас, поэтому мы подчиняемся их авторитету (Smith, 1976, I.iii. 2.2).

Для Смита это в высшей степени серьезная проблема: смешивая свои интересы с интересами общества, хотя на самом деле они противоположны, купцы и фабриканты «редко собираются вместе даже для развлечений и веселья без того, чтобы их разговор не кончился *заговором против публики*» (Курсив мой. — Авт.) (Смит, 2007, с. 174; см. также: с. 476–477), запрашивая и получая монополию с целью ограничения конкуренции. И если государственных деятелей, поддавшихся на уговоры торговцев, Смит порицает всего лишь за их невежество и глупость, то о промыш-

ленниках и торговцах, стремящихся получить монопольные полномочия, Смит высказывается гораздо более сурово, поскольку он знает, какой вред эти торговцы и фабриканты могут нанести обществу, преследуя собственную выгоду. Торговцы и фабриканты знают, что делают, они прекрасно понимают свои интересы и сознательно вступают в сговор для достижения своих целей.

Смит представляет еще один способ взглянуть на ту же проблему. В «Теории нравственных чувств» он описывает человека системы, который очарован своей системой и пытается ее внедрить, забывая, что имеет дело с реальными людьми, а не с неодушевленными фигурами на шахматной доске (Smith, 1976, IV.ii. 2.17). Соответственно, он может попытаться двигать «фигуры» против их воли, что может быть очень опасно. Проблема в том, что группа людей, прекрасно понимающих, в чем состоит их интерес, использует государственную власть, чтобы достичь своих целей за счет общества. Когда специальные интересы подчиняют себе законодательную власть, они наносят вред обществу, пусть и непреднамеренно; однако пренебрегают его интересами они вполне осознанно. К сожалению, торговцы и производители, хорошо зная свои интересы, желают и могут получить политическую власть для реализации выгодной им политики. Ущерб обществу не является их целью; это издержки, которые они с готовностью игнорируют ради собственного обогащения.

Таким образом, монополии станут еще более абсурдными, если мы вспомним, что «потребление является единственной целью всякого производства, и интересы производителя заслуживают внимания лишь постольку, поскольку они могут служить интересам потребителя... Между тем при господстве меркантилистской системы интересы потребителя почти постоянно приносятся в жертву интересам производителя, и эта система, по-видимому, признает не потребление, а производство главной и конечной целью всякой промышленной деятельности и торговли» (Смит, 2007, с. 623), тогда как на самом деле верно обратное.

Если в Средние века монополии торговцев и производителей ограничивались гильдиями и подневольными учениками, то с открытием нового мира эти монополии становятся основой сначала строительства, а потом и обороны всей Британской империи.

В Средние века получить эти монополии было относительно легко, поскольку торговцы и владельцы производств напрямую контролировали управление городами (Смит, 2007, с. 170). По мере роста экономики, особенно за счет колониальной торговли, росли и группы интересов, оказывающие давление на законодательство с целью достижения монопольных полномочий. Объем богатства, который мог быть захвачен благодаря монополиям, и размер потерь в случае восстановления конкуренции были колоссальными. И поэтому средства убеждения стали более жесткими. Теперь они включают также силу, оскорбления и запугивание:

«Эта монополия [колониальной торговли] привела к такому сильному увеличению численности некоторых групп нашего промышленного населения, что подобно разросшейся постоянной армии оно стало внушительной силой в глазах правительства и во многих случаях запугивает законодателей. Член парламента, поддерживающий любое предложение в целях усиления этой монополии, может быть уверен, что приобретает не только репутацию знатока промышленности, но и большую популярность и влияние среди класса, которому его численность и богатство придают больший вес. Напротив, если он высказывается против таких мер и если он пользуется достаточным авторитетом, чтобы иметь возможность помешать им, то ни его общепризнанная честность, ни самое высокое общественное положение, ни величайшие общественные заслуги не смогут оградить его *от самых гнусных обвинений и клеветы, от личных оскорблений, а иногда даже от опасностей, грозящих со стороны взбешенных и разочарованных монополистов*» (Курсив мой. — Авт.) (Смит, 2007, с. 457).

По мнению Смита, лоббистская мощь торговцев и производителей настолько велика, что они способны создать целую экономическую систему для продвижения своих собственных интересов.

«Не может составить большого труда установить, кто был вдохновителем всей этой меркантилистической системы: то не были, мы можем быть уверены в том, потребители, интересы которых были оставлены совершенно без внимания; то были производители, об интересах которых так старательно позаботились; и среди этих последних *главными действующими лицами явились наши купцы и владельцы мануфактур*» (Курсив мой. — Авт.) (Смит, 2007, с. 624).

И эта меркантилистская система, построенная торговцами и фабрикантами, есть реальная колониальная империя.

«Сохранение этой монополии до сих пор было главной или, пожалуй, единственной целью и задачей господства Великобритании над ее колониями» (Смит, 2007, с. 584).

И еще:

«Была организована огромная область с единственной целью создать нацию потребителей, обязанных покупать из магазинов различных наших производителей все товары, которыми они могут снабжать тех. Ради того небольшого повышения цены, которое эта монополия могла дать нашим производителям, на отечественных потребителей был взвален

весь расход по содержанию это области» (Курсив мой. — Авт.) (Смит, 2007, с. 624).

По мнению Смита, эта меркантилистская империя отличается от античных империй. Античные империи создавались необходимостью разместить растущее население (Смит, 2007, с. 562–565). Меркантилистские империи возникают из жадности монополистов. Здесь Смит расширяет понятие «меркантилистский» в смысле «стремящийся к ренте», которое позже описали Бэйсингер, Экелунд и Толлисон (Baysinger et al., 2008), чтобы применить его также к эпохе империй. И, как они полагают, интеллектуальное оправдание меркантилистской политики также является для Смита следствием, а не причиной этой пресловутой политики (см.: Magnusson 1994; Heckscher 1995).

Если бы мы остановились на этом, то осуждение Смитом меркантилистской системы, основанной на убедительных лоббистских способностях купцов и фабрикантов, можно было бы толковать как стандартный аргумент в пользу эффективности двумя способами. Первый способ: Смит утверждает, что, несмотря на более высокие издержки для потребителей, выгоды от расширения рынков, которых добились монополисты, в целом достаточны, чтобы компенсировать их. В результате Британия демонстрирует высокие темпы роста, несмотря на неэффективность монополий (Смит, 2007, с. 575). Учитывая существующее положение вещей, анализ затрат и выгод оправдывает клановость, столь распространенную в Британии. Второй способ: Смит утверждает, что эти монополии неэффективны, и поэтому Британии было бы лучше без них; значит, при существующем положении дел предпочтительнее иметь меньше монополий (или не иметь их вовсе). Таковы общепринятые трактовки Смита и его высказываний против меркантилизма.

Несправедливые интересы

Но Смит мог смотреть на ситуацию и с другой стороны. Если серьезно отнестись к интерпретации Смита Джеймсом Бьюкененом и не отрицать озабоченности Смита проблемой эффективности, можно полагать, что Смит мог рассматривать неэффективность как побочный эффект несправедливости. Главной заботой Смита могла быть справедливость, а не эффективность, при этом эффективность могла быть желаемым следствием справедливости, но только следствием. «Возможно, Смит задумывал свой шедевр как аргумент в пользу того, что система, признанная воплощением справедливости, может быть также эффективной» (Buchanan, 1978, p. 70–77).

Таким образом, проблема, связанная с тем, что группы особых интересов имеют столь большое политическое влияние, может быть, как утверждает Смит, не только вопросом неэффективности, но и нравствен-

ной проблемой. Меркантилистская система — это система, порождающая несправедливость. Монополисты увеличивают свое богатство за счет более высоких цен, причиняя вред другим. Но в «Теории нравственных чувств» Смит говорит нам, что мы не должны одобрять несправедливое поведение тех, кто, вместо того чтобы честно конкурировать, наносит вред своим противникам. В «Нравственных чувствах» Смит утверждает, что в погоне за богатством, если кто-то сломит конкурента или нарушит честную игру, он потеряет одобрение беспристрастных зрителей и вместо этого станет «объектом их ненависти и негодования» (Smith, 1976, II.ii.2.1). Какова была бы реакция беспристрастных зрителей, если бы они узнали, что торговцы и фабриканты ради обогащения наносят вред другим, жертвуя не только имуществом, но и кровью своих сограждан, и жизнью невинных людей?

На самом деле, считает Смит, вред, который наносят монополисты, заключается не только в повышении цен для потребителей; они также обогащаются за счет человеческих жизней, которых лишаются другие люди, ради получения этих высоких цен. Он утверждает, что торговцы и промышленники обогащаются за счет кровавых денег.

Смит объясняет, что коммерсанты извращенно и с опасной ловкостью обманывают тех, кто им верит. Они, по мнению Смита, извращают суть и цели коммерции, которая может и должна быть «узами союза и дружбы» между народами. Богатство ближнего приносит пользу в торговле. Богатый человек в качестве покупателя лучше, чем бедный. Открытые порты обогащают города и поселки, а не разоряют их. Амстердам — очень хороший пример этого. Но «страстная уверенность корыстной лживости» торговцев и промышленников заставляет каждый народ с завистью смотреть на процветание других стран. Их ошибочная риторика превращает торговцев и промышленников богатых стран в опасных соперников, даже если в действительности их конкуренция выгодна большинству людей. Торговцы и промышленники убеждают людей и правительства, что соседи обязательно враги, чтобы их собственное богатство и власть разжигали насилие, «вражду и разногласия» (Смит, 2007, с. 476).

Таким образом, купцы и промышленники захватывают правительство, чтобы вести его прямо к войнам (Paganelli, Schumacher, 2019). По мнению Смита, все предшествовавшие войны велись для защиты их монополий. Даже очень большие военно-морские силы Британии были выстроены для защиты от контрабанды (Смит, 2007, с. 584).

«Основание обширных владений с единственной целью создать народ, состоящий из потребителей, может с первого взгляда показаться проектом, подобающим нации лавочников. Однако совсем не пригоден для нации лавочников, а чрезвычайно пригоден для нации, правительство которой находится под влиянием торгашей. Такие, и только такие,

государственные деятели способны воображать, что найдут какую-либо выгоду *в расточении крови и денег своих сограждан* для создания и сохранения подобных владений» (Курсив мой. — Авт.) (Смит, 2007, с. 583).

Это не случайное обвинение. Смит повторяет его. Монопольные привилегии, предоставленные группам торговцев и производителей, выражающим особые интересы, несут смерть:

«Но самый жесткий из всех этих законов, решаюсь утверждать это, мягок и снисходителен в сравнении с некоторыми из тех, которые были исторгнуты воплями наших купцов и мануфактуристов от законодательства для ограждения их собственных нелепых монополий. Как и законы Дракона, *они, можно сказать, написаны все кровью*» (Курсив мой. — Авт.) (Смит, 2007, с. 612).

Смерти, вызванные меркантилистской клановостью, на самом деле можно интерпретировать двояко: прямо и косвенно. Меркантилистские привилегии написаны кровью, потому что эти привилегии нужно завоевывать и защищать с помощью войн. А для Смита войны за построение и защиту Империи — это все войны, которых хотят торговцы и промышленники для установления и защиты своих привилегий.

Более того, меркантилистские привилегии могут привести к смерти из-за увеличения бедности или замедления экономического роста. По мнению Смита, компании с исключительными правами ужасны как для метрополии, так и для колоний. Например, производство специй на голландских островах и опиума в Бенгалии искусственно поддерживается на низком уровне за счет сжигания излишков, что может вызвать снижение цен в Европе, но, уничтожая излишки, они гарантируют, что эти излишки не будут перевезены контрабандой в Европу.

Но то же самое они делают с населением. Заработная плата остается настолько низкой, что позволяет поддерживать только то количество людей, которое необходимо для снабжения их гарнизонов (Смит, 2007, с. 477–478). По словам Смита, в такой плодородной стране, как Бенгалия, сотни тысяч людей ежегодно умирают от голода. Эти гигантские человеческие жертвы напрямую связаны с наличием монополии Ост-Индской компании (Смит, 2007, с. 125).

По мнению Смита, монополии с исключительными правами, например, Ост-Индской компании, создают стимулы для угнетения людей, которыми они управляют с помощью силы. Представьте такую компанию как правительство, из которого уйдут члены администрации, говорит Смит, и уйдут они, унося с собой свое состояние. Поэтому, когда они уезжают, они совершенно безразличны к обстоятельствам страны, как если бы всю эту страну поглотило землетрясение (Смит, 2007, с. 606–607).

Этот образ безразличия компании с исключительными правами к разрушениям, которые она вызывает, становится еще более страшным, когда сравнивается с тем, что Смит пишет о возможности полного поглощения страны землетрясением в «Теории нравственных чувств». Там он говорит, что нас больше волнует наш мизинец, чем разрушение такой далекой страны, как Китай. Если бы мы знали, что завтра потеряем мизинец, мы бы не смогли спать сегодня ночью. Но если бы мы знали, что все население Китая будет поглощено землетрясением, мы бы спокойно храпели всю ночь. Тем не менее, если бы нас попросили позволить всему населению Китая умереть ради спасения нашего мизинца, мы бы этого не сделали: «Человеческая природа поражается ужасом при этой мысли, и мир, в его величайшей развращенности и коррупции, никогда не рождал злодея, способного иметь такое намерение» (Smith, 1976, III.3.4). Но в «Богатстве народов» Смит говорит нам, что есть такие злодеи: монополисты. Они бесстрастно позволили Бенгалии быть «уничтоженн[ой] землетрясением» (Смит, 2007, с. 607) своей хищнической политикой.

Итак, по мнению Смита, нам нужно быть очень осторожными с законами, регулирующими торговлю, потому что, несмотря на (ложные) уверения о том, что они приносят пользу обществу, они «исходят от того класса, интересы которого никогда полностью не совпадают с интересами общества, который обычно заинтересован в том, чтобы вводить общество в заблуждение и даже угнетать его» (Смит, 2007, с. 282).

Даже вся Британская империя с ее колониями «была основана с единственной целью — создать нацию потребителей», обязанных покупать у производителей метрополии. «Ради того небольшого повышения цены, которое эта монополия могла дать нашим производителям, на отечественных потребителей был взвален весь расход по содержанию и защите этой области» (Смит, 2007, с. 624). Ограничения на импорт приносят пользу производителям за счет потребителей, которым приходится платить более высокие цены. Субсидии на экспорт выгодны производителям и вредят потребителям, которым приходится платить не только налоги на субсидию, но и платить более высокую цену из-за сокращения внутреннего предложения вследствие увеличения экспорта. Торговые договоры выгодны производителям, которые могут продавать на более выгодных условиях в отдаленных местах, за счет потребителей, вынужденных покупать более дорогие и менее качественные товары из этих отдаленных мест, а не более дешевые и качественные товары из более близких мест.

Даже «Хлебные законы», которые, как утверждается, способствуют благу Британии, являются законами, порожденными жадностью торговцев, стремящихся к увеличению прибыли. Субсидируя экспорт зерна в хорошие времена, они увеличивают его дефицит и цены. Никто не выигрывает, за исключением экспортеров и импортеров. Торговцы экспортируют

больше во время изобилия и импортируют больше во время дефицита. Они главные победители этой плохой политики и самые большие противники ее отмены. Все остальные проигрывают не только потому, что им приходится сталкиваться с более высокой ценой на зерно и более высоким налоговым бременем, необходимым для субсидирования экспорта, но и потому, что возрастает риск голода. Поскольку субсидируемый экспорт кукурузы уменьшает ее количество, доступное внутри страны в хорошие и плохие времена, во времена дефицита ее не хватит, чтобы прокормить всех (Смит, 2007, с. 501–521).

Смит обеспокоен искусственно завышенной ценой на зерно, потому что зерно используют все, и оно есть важнейший компонент в питании бедняков. Проблема бедных в том, что они самые уязвимые люди в обществе, особенно в бедных сообществах. Проблема же захвата правительства группами особых интересов заключается в том, что их политика препятствует экономическому росту и продлевает бедность.

Для Смита бедность — это проблема, потому что в бедных странах люди умирают больше и раньше, что несправедливо: в богатых странах у людей больше шансов жить, жить дольше и жить лучше. В самом деле:

«Такие народы, однако, бывают так ужасно бедны, что нужда подчас заставляет их — или по крайней мере они думают, что вынуждает их, — убивать своих детей, стариков и страдающих хроническими болезнями или же покидать их на голодную смерть и на съедение диким зверям» (Смит, 2007, с. 65).

Некоторые страны, рассказывает Смит, настолько бедны, что люди «каждую ночь много детей оставляют на улице или топят, как щенят, в реке» (Смит, 2007, с. 124). Женщина в бедных районах горной Шотландии обычно рождает двадцать детей, но ей повезет, если выживет только двое (Смит, 2007, с. 130). Бедность — это несправедливая причина страданий самых слабых членов общества; именно слабые члены общества страдают больше всего, именно слабые члены общества умирают. Бедность убивает младенцев, стариков, больных. С другой стороны, бедный рабочий в богатой стране может жить лучше «африканских царьков, абсолютных владык жизни и свободы десяти тысяч нагих дикарей» (Смит, 2007, с. 75). Мы должны понимать природу и причины богатства, а значит, понимать, что препятствует его росту. Например, монополии. Ведь богатство дает нам средства к жизни, причем к жизни относительно более долгой, качественной и свободной (Paganelli, 2021).

Сочетание нашей природной склонности к торговле, бартеру и обмену и естественного желания улучшить свое положение с разделением труда, накоплением капитала и некоторым везением позволяет «бесшумным и незаметным действием внешней торговли» (Смит, 2007, с. 409) разо-

рвать цепи бедности и зависимости. По мнению Смита, торговля приносит богатство, свободу и справедливость: «[торговля приводит к] порядок и нормальное управление, а вместе с ними свобод[у] и безопасность от-дельных лиц» (Смит, 2007, с. 401).

Для него торговые ограничения, введенные из-за «подлой алчности» торговцев и производителей, действительно неэффективны, они сдерживают рост, но они также глубоко несправедливы, поскольку наносят ущерб многим, а выгоду получают немногие.

В этом смысле, по мнению Смита, североамериканским колониям повезло: их земля настолько дешева, а труд настолько дорог, что выгоднее импортировать товары, чем пытаться производить их самим. Но советниками по регулированию торговли в колониях являются сами торговцы. Британские коммерсанты и промышленники убедили законодательный орган ввести высокие пошлины, чтобы предотвратить появление изысканных товаров в колониях, поставив свои интересы выше интересов колонистов и родной страны. Но для Смита «[з]апрещение подавляющему числу людей выделять из продукта своего труда все то, что они могут, или затрачивать свой капитал и промышленный труд таким образом, как они считают для себя наиболее выгодным, представляет собою явное нарушение самых священных прав человечества» (Смит, 2007, с. 555). Интересы колоний приносятся в жертву интересам торговцев. Это несправедливо и неэффективно.

Обратите внимание, что среди запретов есть и запрет на перемещение рабочей силы. Ремесленникам запрещено покидать страну из опасения, что они распространят свои знания. Для Смита это также является прямым нарушением их свободы. Их свобода приносится в жертву пустым интересам торговцев и промышленников (Смит, 2007, с. 622–623).

Нормативное осуждение Смита распространяется на все постановления, ведущие к монополизации рынков труда: «Самое священное и неприкосновенное право собственности есть право на собственный труд, ибо труд есть первоначальный источник всякой собственности вообще. Все достояние бедняка заключается в силе и ловкости его рук, и мешать ему пользоваться этой силой и ловкостью так, как он само считает для себя удобным, если только он не вредит своему ближнему, значит *прямо посягать на эту священнейшую собственность. Это представляет собою явное посягательство на законную свободу* как самого работника, так и тех, кто хотел бы нанять его. Такие ограничения препятствуют рабочему работать так, как он считает выгодным, а остальным людям — нанимать тех, кого они хотят. Судить о том, пригоден ли рабочий для работы, можно смело предоставить разумению самих нанимателей, которых это больше всего касается. Преувеличенная забота законодателя о том, чтобы они не нанимали неподходящих работ-

ников, очевидно, столь же неуместна, сколько стеснительна» (Курсив мой. — *Авт.*) (Смит, 2006, с. 167–168).

Таким образом, мы можем видеть, что осуждение Смитом захвата государства группами с особыми интересами основано на идее справедливости, поскольку он говорит нам, что «[п]ричинять какой-либо ущерб интересам одного класса граждан с единственной целью идти навстречу интересам другого противоречит, очевидно, той справедливости и равенству в обращении, которые обязательны для государя в его отношении ко всем различным классам его подданных» (Смит, 2007, с. 617).

Будущее без надежды?

Суждения Адама Смита о политике, проводимой в Британии в его время, основывались не только на эффективности. Смит мог спокойно и довольно открыто выносить моральные суждения. Его громкие осуждения меркантилистской системы действительно основаны на соображениях эффективности, но также и на идее справедливости.

В каком-то смысле мы можем представить Адама Смита задающим вопросы: как должна выглядеть справедливая система, которая также способствует благополучию человечества, учитывая несовершенную и неидеальную его природу? Как нам достичь этого? Как мы можем ее сохранить (Paganelli, 2017)?

По мнению Смита, богатство и справедливость должны расти одновременно. Благополучие увеличивается только в том случае, если рост богатства осуществляется справедливо. Именно поэтому Джеймс Бьюкенен утверждал, что «Богатство народов» можно читать как книгу о справедливости, о справедливой системе, которая также может быть эффективной.

Но Смит прекрасно понимает, что та же склонность к торговле, бартеру и обмену в сочетании с наличием правительства может также создавать конфликты между различными группами интересов и, таким образом, обогащать немногих за счет многих. Смит «яростно нападает» на торговые привилегии, купленные для нескольких крупных торговцев и промышленников «кровью и имуществом» граждан страны. Поэтому «Богатство народов» можно читать как великий трактат о теории общественного выбора, направленном против захвата государства, против клановости. Смит, очевидно, оправдывает свою «яростную атаку на всю коммерческую систему Великобритании» моральными причинами, которые также оказываются фактором эффективности.

Эта атака столь яросна еще и потому, что, когда привилегии уже предоставлены, ликвидировать их становится крайне сложно (Tullock, 1975). Действительно, по мнению Смита, монополия колониальной торговли нарушила естественный баланс между всеми отраслями промышленности.

Теперь один большой канал заменяет множество мелких каналов. Этот большой канал снижает безопасность. Экономика похожа на «один из тех нездоровых организмов, у которых некоторые важные члены слишком разрослись» (Смит, 2007, с. 575). Маленькая закупорка в большой вене, которая искусственно раздувается, очень опасна. Если лопнет маленькая вена, ничего особенно опасного не случится. Но, по словам Смита, если лопнет большая вена, возможны «судороги, паралич или смерть» (Смит, 2007, с. 576). Поэтому люди смотрят на возможный разрыв этой великой жилы колониальной торговли с большим ужасом, чем на испанскую Армаду. Действительно, «ожидать восстановления когда-нибудь полностью свободы торговли в Великобритании так же нелепо, как и ожидать осуществления в ней “Океании” или “Утопии”. Этому непреодолимо препятствуют не только предубеждения общества, но и частные интересы многих отдельных лиц, которые еще труднее одолеть» (Смит, 2007, с. 456).

Таким образом, Адам Смит мог рассматривать свои «яростные нападки на меркантилистскую систему» в «Богатстве народов» как канат, привязавший Улисса к мачте его корабля, который позволил ему выжить в море, кишашем сиренами (Buchanan, 1990). Смит считает, что от одних недугов можно исцелиться, а от других нельзя. От всеобщего насилия и несправедливости правителей нет никакого средства. «Подлая алчность» и монополистический дух торговцев также не могут быть излечены. Но можно и нужно не позволять ему нарушать спокойствие общества, потому что купцы и промышленники «не являются и не должны являться владыками человечества» (Смит, 2007, с. 476).

Поэтому предостережение Смита серьезно обосновано, и звучит оно как предостережение, касающееся теории общественного выбора с выраженным моральным компонентом: «К предложению об издании какого-либо нового закона или регулирующих правил, относящихся к торговле, которое исходит от этого класса, надо всегда относиться с величайшей осторожностью, его следует принимать только после продолжительного и всестороннего рассмотрения с чрезвычайно тщательным, но и чрезвычайно подозрительным вниманием. Оно ведь исходит от того класса, интересы которого никогда полностью не совпадают с интересами общества, который обычно заинтересован в том, чтобы вводить общество в заблуждение и даже угнетать его, и который действительно во многих случаях и вводил его в заблуждение и угнетал» (Смит, 2007, с. 282). Стремление к получению ренты причиняет вред, оно несправедливо и также, как правило, неэффективно.

Список литературы

Смит, А. (2007). *Исследование о природе и причинах богатства народов*. М.: Эксмо.

- Baysinger, B., Ekelund, R., & Tollison, R. (2008). Mercantilism as a Rent-Seeking Society. In: R. D. Congleton, K. A. Konrad, A. L. Hillman (Eds.), *40 Years of Research on Rent Seeking*, 2 (p. 475–508), Springer. https://dx.doi.org/10.1007/978-3-540-79247-5_28
- Bittermann, H. J. (1940). Adam Smith's Empiricism and the Law of Nature. *Journal of Political Economy*, 48(5), 487–520. <https://dx.doi.org/10.1086/255612>
- Buchanan, J. M. (1990). The domain of constitutional economics. *Constitutional Political Economy*, 1, 1–18. <https://dx.doi.org/10.1007/BF02393031>
- Buchanan, J. M. (1978). The Justice of Natural Liberty. In: F. R. Glahe (Ed.), *Adam Smith and the Wealth of Nations: Bicentennial Essays 1776–1976* (61–82). Colorado Associated University Press.
- Chandra, R. (2021). Adam Smith, Allyn Young, Amartya Sen and the Role of the State. *History of Economics Review*, 78(1), 17–43. <https://doi.org/10.1080/10370196.2020.1863005>
- Evensky, J. (2005). “Chicago Smith” versus “Kirkaldy Smith”. *History of Political Economy*, 37(2), 197–203. <https://doi.org/10.1215/00182702-37-2-197>
- Farrant, A., & Paganelli, M. P. (2016). Romance or No Romance? Adam Smith and David Hume in James Buchanan's “Politics without Romance”. *Research in the History of Economic Thought*, 34, 357–372. <https://doi.org/10.1108/S0743-41542016000034A013>
- Fleischacker, S. (2004). *On Adam Smith's Wealth of Nations: A Philosophical Companion*. Princeton University Press. <https://doi.org/10.1515/9781400826056>
- Heckscher, E. F. (1995). *Mercantilism*. 1st ed. Routledge. <https://doi.org/10.4324/9781315003993>
- Hont, I., & Ignatieff, M. (1983). Needs and justice in the Wealth of Nations: an introductory essay. In I. Hont, M. Ignatieff (Eds.) *Wealth and Virtue: The Shaping of Political Economy in the Scottish Enlightenment* (1–44). Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511625077.002>
- Krueger, A. O. (2008). The Political Economy of the Rent-Seeking Society. In: R. D. Congleton, K. A. Konrad, A. L. Hillman (Eds.), *40 Years of Research on Rent Seeking* 2 (p. 151–163). Springer. https://doi.org/10.1007/978-3-540-79247-5_8
- Magnusson, L. (1994). *Mercantilism: The Shaping of an Economic Language*. 1st ed. Routledge. <https://doi.org/10.4324/9780203416488>
- McCloskey, D. N. (1998). The Good Old Coase Theorem and the Good Old Chicago School: A Comment on Zerbe and Medema. In: S. G. Medema (Ed.), *Coasean Economics Law and Economics and the New Institutional Economics* (p. 239–248), Springer Dordrecht. https://doi.org/10.1007/978-94-011-5350-8_12
- Medema, S. G. (2010). Adam Smith and the Chicago School. In: E. Ross (Ed.), *The Elgar Companion to the Chicago School of Economics* (p. 40–52), Elgar original reference. <https://doi.org/10.4337/9781849806664>
- Mehrling, P. G., & Sandilands, R. J. (Eds.). (1999). *Money and Growth: Selected Papers of Allyn Abbott Young*. 1st ed. Routledge. <https://doi.org/10.4324/9780203452820>
- Olson, M. (1971). *The Logic of Collective Action: Public Goods and the Theory of Groups*. Second Printing with a New Preface and Appendix. Harvard University Press. <https://doi.org/10.2307/j.ctvj9f3ts>
- Paganelli, M. P. (2021). Adam Smith and Dying Peacefully. In: E. A. Dolgoy, K. Hurd Hale, B. Peabody (Eds.), *Political Theory on Death and Dying*. 1st ed. (p. 292–299). Routledge. <https://doi.org/10.4324/9781003005384>
- Paganelli, M. P. (2017). 240 Years of Adam Smith's Wealth of Nations. *Nova Economica*, 27(2), 7–19. <https://doi.org/10.1590/0103-6351/3743>
- Paganelli, M. P. (2020). *The Routledge Guidebook to Smith's Wealth of Nations*. 1st ed. Routledge. <https://doi.org/10.4324/9780367824204>

Paganelli, M. P., & Schumacher, R. (2018). Do not take peace for granted: Adam Smith's warning on the relation between commerce and war. *Cambridge Journal of Economics*, 43(3), 785–797. <https://doi.org/10.1093/cje/bey04>

Sagar, P. (2021). Adam Smith and the conspiracy of the merchants. *Global Intellectual History*, 6(4), 463–483. <https://doi.org/10.1080/23801883.2018.1530066>

Sagar, P. (2018). *The Opinion of Mankind: Sociability and the Theory of the State from Hobbes to Smith*. Princeton University Press. <https://doi.org/10.2307/j.ctt1wn0rjw>

Smith, A. (1987). Correspondence. In: E. C. Mossner, I. S. Ross (Eds.) *The Glasgow Edition of the Works and Correspondence of Adam Smith* (Vol. 6). 2nd ed. Oxford University Press. <https://doi.org/10.1093/actrade/9780198285700.book.1>

Smith, A. (1976). The theory of moral sentiments. In: D. D. Raphael, A. Macfie (Eds.) *The Glasgow Edition of the Works and Correspondence of Adam Smith* (Vol. 1). Glasgow University Press. <https://doi.org/10.1093/actrade/9780198281894.book.1>

Stigler, G. J. (1971). Smith's Travels on the Ship of State. *History of Political Economy*, 3(2), 265–277. <https://doi.org/10.1215/00182702-3-2-265>

Tegos, S. (2014). Adam Smith on the Addisonian and Courtly Origins of Politeness. *Revue internationale de philosophie*, 269(3), 317–342. <https://doi.org/10.3917/rip.269.0317>

Tullock, G. (1975). The Transitional Gains Trap. *The Bell Journal of Economics*, 6(2), 671–678. <https://doi.org/10.2307/3003249>

Tullock, G. (1967). The Welfare Costs Of Tariffs, Monopolies, And Theft. *Economic inquiry*, 5(3), 224–232. <https://doi.org/10.1111/J.1465-7295.1967.TB01923.X>

References

Smith, A. (2007). *An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations*. M.: Eksmo.